

АТАМЕКЕН

Личность евразийского масштаба

В числе выдающихся сыновей казахского народа Муса Шорманов занимает особое место, изучение его жизни и деятельности имеет большое значение для осмысления весьма противоречивого XIX века – эпохи, во многом определившей судьбу казахского народа.

Карина МУХАМЕДШИНА

Государственный и общественный деятель, этнограф, фольклорист, просветитель, глава Баянаульского внешнего округа, – все это грани одной незаурядной личности, к предстоящему 200-летию юбилею со дня рождения которой готовится широкая общественность республики. Об этом мы беседуем с доктором химических наук, профессором, известным краеведом Алтынбеком НУХУЛЫ.

– На страницах печати, в том числе в вашем двухтомнике «Баянаула перзенттері», вы неоднократно подчеркивали необходимость объективного исследования деятельности М. Шорманова. Насколько успешно ведется такая работа?

– В советской исторической литературе личность Мусы Шорманова рассматривалась тенденциозно: как жесткого феодала, приспешника имперской России. Впервые объективную оценку его деятельности попытался дать на страницах энциклопедии Казахстана академик Алькей Маргулан. Его поддержали выдающиеся ученые Шафик Чокан и Салык Зиманов.

С обретением независимости в Казахстане появляются первые публикации о Мусе, отмечу активность известного экибастузского краеведа Серика Жаксыбаева. Корифеи отечественной исторической науки Манаш Козыбаев и Абдимали Нысанбаев в первые годы суверенитета инициировали научные исследования жизни и деятельности М. Шорманова. Но если в советскую эпоху ученым мешали идеологические пути, то в постсоветское время сказывалось недостаточное изучение источников, слабо привлекались архивные материалы. «Главная опасность наукообразности в ее близости с наукой», – предостерегал в свое время академик Дмитрий Лихачев.

– Но ведь насколько известно, на труды Шорманова ссылались разные ученые в своих работах и в советский период?

– Да, к примеру, замечательный ученый Николай Аристов, удостоенный за свои этнографические труды Золотой медали Русского географического общества. В основном это были работы, касающиеся родоплеменной структуры казахов конца XIX века. Григорий Потанин, Николай Ядринцев, Николай Костылецкий, Александр Гейнс и другие ученые того времени черпали сведения для своих научных работ из

солидного архива Шорманова. Подлинный свет проливали на многие важные события корреспонденции, отсылаемые им по просьбе Ч. Валиханова. А сколько ученых обращалось к научному наследию Шорманова о традиционной культуре казахов! В их числе крупные советские историки и этнографы Халел Аргынбаев, Ирина Захарова, Эдите Масанов и другие.

С 2001 года целенаправленную работу начал коллектив Павлодарского государственного университета им. С. Торайгырова. Соискателей кафедры этнологии, культурологии и археологии мы командировали в различные города России и Казахстана для сбора материалов о М. Шорманове. Работа в фондах Омска, Томска и Центрального государственного архива (ЦГА) республики дала результаты. Труды Мусы Шорманова интересны не только историкам и этнографам, но и политологам, культурологам, филологам. К примеру, ныне специалисты используют составленное им шежере. Во многом росту интереса к Шорманову способствовал выпуск изданий ученых, уроженцев казахстанского Прииртышья. В частности, трудов Г. Потанина.

– Поскольку заговорили о шежере, кем были предки Шорманова?

– Предками славного рода Шормановых, избранных султанами, были простолюдины. С введением «Устава о Сибирских киргизах» в 20-х годах XIX века фактически была упразднена ханская власть, однако возглавлять административные единицы колониальными властями все еще назначались чингизиды-торе. Крайне редко люди из простонародья ставились во главе административных единиц. Этим выдвинутым надо было обладать поистине выдающимися качествами и непоколебимым уважением народа.

Таким был Муса Шорманов, чей предок батыр Мырзагул в XVIII веке прославился своей отвагой в битве с джунгарами и был похоронен в мавзолее Ходжи Ахмеда Ясави. Их имена сегодня может прочесть каждый, в общем списке есть строка «Мырзагул батыр из рода Каржас». Его сыном был Сати мырза, который в 1729 году сражался с батыром Олжабаем, освобождая от засилья калмыков баянаульские земли, исконно принадлежавшие казахам. Прямым потомком таких предков был и отец Мусы Шорман бий, известный всей Степи редким даром красноречия и спра-

ведливостью. Некоторые из его высказываний дошли до нашего времени.

В 1836 году бий Шорман, российский офицер в чине капитана, утверждается старшим султаном Баянаульского внешнего округа. Именно о нем Чокан Валиханов напишет позднее: «Острота ума и находчивость в споре снижали ему славу искусного оратора. Благодаря ораторскому таланту в 14 лет он стал бием, а в непростой тяжбе с большой честью отстоял интересы своих сородичей перед ханом Вали».

– Как тесно переплелись линии двух именитых семей того времени – Шормановых и Валихановых...

– В традициях казахского общества того времени родство этих семей – явление скорее закономерное. Это подробно описал в романе «Промелькнувший метеор» Сабит Муканов. А в 1835 году на свет появился первенец султана Чингиза и Зейнеп, выдающийся казахский ученый-просветитель Чокан Валиханов. Мальчику дали мусульманское имя Мухаммед-Ханафия. Со старшим братом матери Мусой Шормановым будущего ученого связывали не только родство, но и духовная близость. Человек широких взглядов, М. Шорманов оказал большое влияние на юного Чокана.

Вот что пишет Алькей Маргулан в книге «Воспоминания о Чокане»: «Одним из близких людей, с которыми постоянно советовались Чингиз Валиханов и Чокан Чингизович, был Муса. Позднее в доме сына Мусы Садуакаса я нашел 30 писем, адресованных Мусе Чоканом. После смерти Садуакаса все эти письма были уничтожены». М. Шорманов всячески поддерживал своего гениального племянника. Вот отрывок из письма Чингиза Валиханова своему сыну в Санкт-Петербург: «Передал я Мусе твой привет и твои слова... Он с огромным желанием готов перевести большую сумму».

– Известно, что дядя не только помогал Чокану в сборе этнографических материалов, у них были и совместные статьи?

– Да, яркое свидетельство тому – статья «О кочевках киргиз», посвященная земельному вопросу. Если учесть, что в ней поднимались вопросы о наделении степняков зимовками и лесными угодьями, мы убеждаемся, насколько были едины эти две родственные души во взглядах на отстаивание интересов своего народа. Чокан, как известно, называл в письмах своего

дядю «на редкость чудным человеком». А М. Шорманов несколько лет ходатайствовал перед колониальными властями о сооружении памятника на могиле Чокана. Об этом вспоминает в своих записках и известный русский этнограф, археолог Николай Ядринцев, знавший этих двух замечательных людей. И Шорманов своего добился: памятник Чокану Валиханову был установлен в урочище Алтын-Эмель генерал-губернатором Константином Кауфманом и генерал-лейтенантом Герасимом Колпаковским.

Мне довелось побывать на могиле Ч. Валиханова вместе с потомком этого славного рода – Валихановым Шотой Идрисовичем. Каждый из нас взял оттуда горсть земли. Шота-ага отвез эту землю на могилу своей бабушки Зейнеп, матери Чокана. А я, как мы с ним решили, должен был отвезти землю на могилу Мусы Шорманова, любимого дяди Чокана. Я выполнил свою миссию при большом стечении народа, был дан поминальный ас, и в молитвах имена Мусы и Чокана слились воедино.

Вот еще одно свидетельство об их тесной близости, оставленное в записках Г. Потанина: «Возвращаясь из поездки 1880 года, я заехал в Баянаульский округ, где провел неделю в ауле Мусы Шормановича... Господин Шорманов обязательно предложил мне воспользоваться бумагами, которые были приготовлены им для покойного Чокана Валиханова...» Как отмечает в записках Потанин, при упоминании имени Чокана в глазах Мусы мырзы стояли слезы. Можно смело утверждать: значение многогранной деятельности Ч. Валиханова относительно Мусы мырзы осталось немало высказываний. Вот какими словами его приветствует знаменитый Биржан сал: «Ассалауалейкум, Муса, Спешил увидеть твой лик. Ты подобен своим славным предкам...»

Так характеризует его и в своих многочисленных посвящениях знаменитый поэт, священник, теолог, автор более 20 бесценных книг Машхур-Жусип Копеев, в частности в поэме «Муса мырзаны жоқтау» («Плач по Мусе мырзе»). К слову, там есть строки, свидетельствующие, что именно М. Шорманов оплачивал обучение М.-Ж. Копеева в высших учебных духовных заведениях. В одном из таких посвящений поэт сравнивает глубокий ум и мудрость Мусы с бескрайним морем: «Есть ли среди аргынов, подобный мырзе? Ум его был глубок и велик, как морские воды». Прогрессивный характер идей М. Шорманова и его просветительская деятельность стали предтечей бурного расцвета образования в баянаульском регионе.

– Баянаула – малая родина блестящей плеяды научной и

творческой интеллигенции Казахстана. Какую роль в ее формировании сыграл, на ваш взгляд, Муса Шорманов?

– Обладая феноменальными способностями предвидения будущего своего народа, он видел его путь в приобщении к достижениям мировой цивилизации через русскую культуру. Его докладные записки и сегодня хранятся в архивных фондах Санкт-Петербурга, Омска и Алматы. Шорманов поощрял открытие русских школ для казахских детей, оказывал этим учреждениям материальную помощь. Так были открыты в Омске казахская школа по подготовке писарей волостных канцелярий, а через несколько лет – школа-интернат для казахских девочек. Муса мырза обязывал каждого волостного управителя ежегодно отправлять на учебу в Омск и Павлодар детей и содержать их на свои средства. К слову, в свое время отец Мусы Шорман бий построил деду будущего писателя Кошке Кементерова дом в Омске. Позднее стараниями Мусы здесь разрастется целое поселение, в котором будут проживать направленные в омские учебные заведения юные степняки. Многие из них станут известными людьми. Обустраивать поселение и заботу о его жителях продолжит и старший сын Мусы Садуакас. И сегодня на левом берегу Омска это поселение известно как поселок Каржас.

Лучшим образовательным заведением в казахстанском Прииртышье того времени станет школа Шормановых в их родном ауле Аккелин. Да и личный пример его семьи стимулировал земляков отдавать детей на обучение в русские школы. Муса мырза в Баян-Ауле на свои средства построил медресе и мечеть, которая ныне названа его именем. Благодаря подвижничеству Мусы Шорманова баянаульский регион в конце XIX – первой половине XX века стал одним из мощных очагов культуры и науки. Неустанный его деятельностью обусловлен так называемый баянаульский феномен, когда небольшой регион подарил нации созвездие выдающихся деятелей отечественной культуры и науки.

Вместе с тем Муса достойно представлял образованной русской общественности уникальный мир своего народа через сбор и публикации этнографических статей, участие в выставках. Его труды печатались в столичных журналах России, что само по себе большое достижение для представителя колониальной окраины империи. С полным правом можно утверждать, что М. Шорманов стоял у истоков включения Казахстана в современную мировую цивилизацию.

– Какие работы Шорманова вы бы выделили особо?

– Еще в XIX веке труды Мусы мырзы о культуре казахов вызвали живой интерес богатым фактологическим материалом, образным, ясным языком. К наиболее значимым его работам можно отнести такие, как «О киргизах Павлодарского уезда» (1866 год), «Обычаи и традиции киргизов» (1871 год), «Хозяйство киргизов Западной Сибири» (1833 год). Самая крупная из них – «Записки о киргизах Павлодарского уезда», опубликованная в 1906 году. Работа поражает обстоятельностью описания деталей кочевого быта. Я уже отметил, насколько плодотворно было сотрудничество Мусы мырзы и таких известных ученых, как Григорий Потанин, Николай Ядринцев, Николай Костылецкий. Шорманов тесно общался с Александром Гейнсом, который прибыл в Баянаульский округ во главе русской этнографической комиссии. Это общение М. Шорманова с русскими учеными сослужило добрую службу сохранению исторического наследия казахов.

«Самые важные этнографические сведения о сибирских казахах», – отмечает Г. Потанин, – могут дать только Чокан Валиханов и Муса Шорманов». А в 1985 году в журнале «Русское богатство» Потанин так тепло характеризует Мусу Шорманова: «Он известен в Омске как человек пытливого ума и знаток казахской жизни». Шорманова хорошо знали в Петербурге, особенно в Географическом и Антропологическом обществах.

На Всероссийскую промышленно-художественную выставку в 1881 году в Москве он передал 32 экспоната казахского народного прикладного искусства. Муса Шорманов направлял лучших лошадей степной породы на Московскую и Всемирную Парижскую выставки 1865 и 1868 годов, был участником третьего конгресса ориенталистов в Санкт-Петербурге в 1876 году.

Со страниц его статей сошли к образованному сообществу Евразии номады со своей древней историей, самобытной культурой и многовековыми традициями.

Муса Шорманов был одним из первых, кто ясно предвидел евразийское будущее Великой степи